

Для цитирования: Нехамкин В. А.
Парадигмы контрфактического
моделирования прошлого
в социальном познании:
итоги, перспективы развития //
Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 7—18.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18

УДК 167.7; 93

ПАРАДИГМЫ КОНТРАФАКТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ: ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,

Московский государственный
технический университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корп. 1.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена выявлению и изучению парадигм, возникших в рамках контрфактического моделирования прошлого к концу XX в. Выделяются базовые положения, сильные и слабые стороны различных парадигм. Фиксируются отдельные перспективы становления данных парадигм в историческом познании и за его пределами.

Цель. Выявить существующие в контрфактическом моделировании прошлого устойчивые позиции (парадигмы), сравнить их между собой.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ.

Научная новизна исследования. Введено понятие «парадигма контрфактического моделирования прошлого». Автор выделяет три таких

парадигмы: POSSИБИЛИСТСКАЯ (возможность — действительность); бифуркационная; ретропрогностическая. Выявлены базовые положения изучаемых парадигм. Установлены порождающие каждую из них источники.

Результаты. В работе обосновано, что понятие «парадигма» может быть применимо к контрфактическому моделированию прошлого. Установлено, что POSSИБИЛИСТСКАЯ парадигма порождена философией, бифуркационная — синергетикой, ретропрогностическая — социальным прогнозированием. Имеет место экстраполяция данных областей познания, их методологии на контрфактическое моделирование прошлого. Показано, что базовые положения POSSИБИЛИСТСКОЙ и бифуркационной парадигм во многом сходны, а ретропрогностической — существенно отличаются от них.

Выводы. Осуществлено выделение, рассмотрение и реконструкция содержания трех парадигм контрфактического моделирования прошлого, но их может быть выявлено и больше. Показано, что при изучении конкретной альтернативной ситуации прошлого данные парадигмы могут использоваться комплексно. Констатируется, что каждая изученная парадигма не носит завершённого характера. Она нуждается в постоянной теоретико-методологической разработке, совершенствовании. Отмечен высокий эвристический потенциал каждой парадигмы в исследуемой области. Авторская позиция состоит в необходимости ухода от доминирования POSSИБИЛИСТСКОЙ, бифуркационной, ретропрогностической парадигм в сторону развития методологически независимого от конкретных дисциплин контрфактического моделирования прошлого, использующего их достижения в собственных целях.

Ключевые понятия:

парадигма,
контрфактическое моделирование прошлого,
POSSИБИЛИСТСКАЯ парадигма,
бифуркационная парадигма,
ретропрогностическая парадигма.

Введение

Исследования потенциальных (не реализовавшихся) вариантов социального прошлого идут в исторической науке и за ее пределами (в философии истории, художественной литературе) достаточно длительный период. По мнению Д. Норта, альтернативная история существует более ста пятидесяти лет, беря начало с 1830-х гг. [22, с. 10]. Автор полагает, что подобный срок сильно занижен. Так, в «Истории Рима от основания Города» Тита Ливия (I в.) описан сценарий потенциальной войны Древнего Рима и империи Александра Македонского [28, с. 517—522]. Примеры рассуждений на тему «что было бы, если?» есть в «Истории» Геродота и Фукидида, иных авторов, у древнекитайских и индийских философов, позднее — у византийских историков (Прокопий Кесарийский, Анна Комнина и другие). Значит, интерес к изучению потенциального прошлого появился задолго до нашей эры, насчитывает не одну сотню лет.

С теорией вопроса дело обстоит значительно сложнее. Нет окончательной ясности, ни в какой сфере знания можно корректно с точки зрения науки рассуждать на тему «что было бы, если бы?» (историческая наука, философия истории или где-то еще?); универсальной методологии; даже названия для подобных исследований. По мнению автора, правильнее говорить о контрфактическом моделировании прошлого (КФМ) как междисциплинарном направлении научного познания, где допускается иной исход каких-либо ситуаций минувшего, осуществляется их описание в рамках сценариев, а потом изложенный в них материал проверяется научными средствами (в том числе путем сравнения с реальностью). КФМ касается отдельных персон (предположение, что Наполеон не смог возглавить Францию в конце XIX в.), событий (поход Великой армии на Россию в 1812 г. не состоялся; эллины вместо реальной победы потерпели поражение в битве при острове Саламин в 480 г. до н. э. от персов), факторов (модель продления рабства в США до 1890-х гг. Р. Фогеля и С. Энгермана). Подобные исследования, базирующиеся на математических методах, активно проводятся в рамках такого направления исторического познания, как клиометрия.

Однако несмотря на определенные успехи, выразившиеся в количестве осуществляемых на эмпирическом уровне контрфактических исследований прошлого, в

теоретическом (гносеологическом) плане здесь остается немало вопросов. Можно ли ученым достичь достоверного знания, когда система рассуждений о прошлом строится не на фактах, а на предположениях «что было бы, если?» Достаточно ли, как полагал Н. Фергюсон, проверить данные гипотезы «эмпирическим способом, который предпочитает расчеты воображению» [4, с. 32], чтобы сделать их научно обоснованными? Где найти «теоретические» средства осуществления подобных «расчетов»? Следовательно, надежность КФМ определяется в первую очередь его методологией.

Однако КФМ ведется и в науке (истории, социологии, филологии и т. д.), и за ее границами (например, в художественной литературе, философии истории, в политической аргументации). Соответственно, среди специалистов постепенно возобладали мнения о том, что взять указанные средства познания можно за пределами подобной «интеллектуальной игры» (именно так до сих пор называют КФМ некоторые исследователи) [24, с. 5]. Тогда методология КФМ станет близкой к научной. Оставался вопрос: где именно? Средства познания для «надежности» заимствовались вне пределов КФМ, из разных источников. Одни из них использовали философию, беря оттуда концепцию соотношения «возможности и действительности»; другие — синергетику (опираясь на модель «точки бифуркации»); третьи — социальное прогнозирование, обращенное для этой цели к прошлому.

На мой взгляд, указанные подходы относительно КФМ выступают в роли парадигм. Напомним, что данное понятие Т. Кун определяет как «одно или несколько прошлых научных достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для развития его дальнейшей практической деятельности» [16, с. 28]. Категория «парадигма» применима здесь потому, что данные теоретические конструкции длительное время используют при осуществлении КФМ значительные группы ученых; переносят на КФМ базовые положения философии, синергетики, социального прогнозирования; применяют их для получения новой информации в данной области. Отсюда, по моему мнению, целесообразно говорить о трех парадигмах КФМ: POSSIBILISTСКОЙ, бифуркационной, ретропрогностической, наличие которых можно проследить в ходе анализа научных дискуссий [см. 10]. Рассмотрим содержание каждой из них подробнее.

Поссибилистская парадигма КФМ прошлого

Наиболее распространенное название парадигма получает от английского слова «possible» (возможный). Исторический процесс в ее рамках делится на одновариантные и содержащие альтернативы периоды. Первые связываются с понятием «действительность», вторые — «историческая возможность». Последние могут осуществиться на практике или нет. Отсюда по главным категориям парадигму можно назвать не только «поссибилистской», но и «возможность — действительность».

Исторические возможности можно изучать с разных сторон. Во-первых, реконструировать их содержание, т. е. давать (через сценарии) описание того, что могло произойти, если бы данная возможность реализовалась. Во-вторых, сопоставлять, сравнивать (по разным основаниям) реализованный на практике вариант и остальные возможности (или одну из них). В-третьих, устанавливая каузальные характеристики прошлого, т. е. причины реализации в действительности именно этой возможности из многих других. В-четвертых, искать исторические параметры (условия) претворения в жизнь какой-либо из потенциальных (но не осуществившихся на практике) исторических возможностей. В-пятых, выявлять этические последствия реализации на практике какой-либо из альтернативных возможностей. (Например, лучше бы или нет, с меньшим ли уровнем социального насилия развивалась Россия в XX в., если бы к власти в 1917 г. не пришли большевики?). Такие исследования дают приращение знания, ответы на некоторые мировоззренческие вопросы, а потому позитивны.

В теоретическом плане относительно рассматриваемой концепции интересно следующее. «Действительность» и «возможность/возможности» выступают как противоположности. Однако противоположности, неравнозначные по форме и содержанию. Возможность многолика, многовариантна, скрыта, реконструируется, как правило, искусственно. Действительность однозначна, одновариантна (по крайней мере, по форме), предполагает завершение процесса сосуществования возможностей. Она наблюдаема, фиксируема в исторических документах. Именно действительность отражается в многочисленных учебниках истории, ее анализ выступает обязательным для исторической науки (возможности прошлого могут ей изучаться, так сказать, в «добровольном» порядке).

Возможности неравнозначны между собой по разным характеристикам, определяющим их видовое разнообразие. Одни из них реальны (могли реализоваться на практике), другие — формальны (не имели таких оснований, могут только реконструироваться силами науки). Некоторые возможности при реализации могли дать более совершенный тип общества (чем осуществившийся на практике), другие — наоборот, регрессивный. Имели место «влиятельные» на ход истории возможности и иные: не обладавшие большим значением. Такую классификацию исторических возможностей по различным критериям можно продолжить.

Однако несмотря на разнообразие видов возможностей, относительно их судьбы у сторонников данной позиции есть определенное единство: осуществление на практике одной из возможностей, ее переход в действительность, «исключает» («уничтожает») осуществление всех остальных. Действительность же развивается относительно линейно до возникновения новой ситуации, где есть ряд возможностей «дальнейшего развития».

Обобщим базовые положения данной парадигмы КФМ:

1. Исторический процесс делится на одновариантные периоды (действительность) и многовариантные (отражение ряда возможностей).
2. КФМ касается исключительно исторических возможностей.
3. Период сосуществования различных исторических возможностей скоротечен. Вскоре одна из возможностей переходит в действительность и ее альтернативы уходят в небытие. Пределы альтернативной исторической ситуации занимают промежуток времени «от возникновения существенно отличных возможностей дальнейшего развития до воплощения в действительность одной из альтернативных возможностей» [13, с. 93].
4. В рамках данной ситуации у отдельных людей (но чаще — их групп) появляется шанс участвовать своими действиями в процессе исторического выбора, в котором проявляется их сознательное начало.

Парадигма КФМ «возможность — действительность», на мой взгляд, обладает следующими положительными характеристиками: 1) фиксирует присутствие в прошлом ситуаций, содержавших ряд возможностей (в противоположность одновариантным

периодам); 2) предлагает изучать их ученым-гуманитариям; 3) признает влияние исторических субъектов на процесс выбора «одной» из возможностей.

Негатив можно резюмировать следующим образом. Во-первых, тезис об обязательном «исчезновении» нереализованных возможностей блокировал исследования дальнейшего бытия подобных потенциальных вариантов. Такое занятие казалось многим ученым бесполезным.

Во-вторых, исторические возможности часто рассматривались как сугубо событийные, поверхностные, не касающиеся структурных сфер исторического процесса. И этим недостатком порой «грешило» историческое познание в СССР как со стороны собственно историков, так и обществоведов-философов. Характерный пример. Л. В. Скворцов полагал, что в ходе Пунических войн (264—146 гг. до н. э.) в действительности могла восторжествовать альтернативная реализовавшаяся на практике возможность: доминирование в Средиземноморье Карфагена. Однако далее заключал: «Господство одной империи сменилось бы господством другой. Сущность истории того времени от этого не изменилась бы» [27, с. 100]. Значит, поскольку альтернативная действительности возможность (превращение в «мировую» империю Карфагена вместо Рима) возникает в рамках одной (рабовладельческой) социально-экономической формации, то ее практическая реализация на эмпирическом (событийном) уровне фундаментально на прошлое не влияла. Впрочем, тенденция отождествлять исторические возможности с чем-то исключительно событийным, а не структурным имеет место и у современных исследователей.

В-третьих, парадигма «возможность—действительность», противопоставлявшая указанные понятия, по справедливому замечанию М. А. Чешкова, давала рассуждениям на тему «что было бы, если?» в историческом познании «однозначную», «достаточно плоскую» интерпретацию [10, с. 14]. Это обстоятельство часто мешает КФМ прошлого развиваться, повышать свой эвристический потенциал.

Бифуркационная парадигма КФМ

Бифуркационная парадигма КФМ, в отличие от POSSИБИЛИСТСКОЙ, имеет иную теоретическую основу. Базируется не на философской концепции «возможность—действительность», а на междисциплинарном

направлении научного познания: синергетике. Она дает базовую модель, позволяющую проводить в том числе и КФМ прошлого. Поскольку автор затрагивал данный сюжет в прежних работах [см. 21], остановимся на содержании синергетической модели лишь в самых общих чертах.

Синергетика (в варианте И. Пригожина и его школы) предполагает, что в любых окружающих человека мирах (физическом, биологическом, социальном) имеет место постоянный переход от равновесных (упорядоченных, где властвуют законы) к неравновесным (господство случайностей) системам. Первые отождествляются с Порядком, вторые — с Хаосом. Обратное движение от Хаоса к Порядку идет через особое (спонтанно формирующееся) образование: точку бифуркации. Здесь из ряда вариантов развития системы осуществляется лишь один, дающий начало новому Порядку. Однако предвидеть, какая возможность осуществится на практике, не получится в силу воздействия на подобный процесс принципиально не прогнозируемых факторов (от внезапного стихийного бедствия до появления в данном социуме «излишне» харизматической личности). Подобный порожденный Хаосом фактор может «столкнуть» систему на один из маловероятных путей дальнейшего Порядка. Затем начинается новый период одновариантного линейного развития до следующего этапа Хаоса. Следовательно, становление систем идет по схеме: порядок — хаос — точка бифуркации — новый порядок. На мой взгляд, по центральному понятию синергетики рассматриваемую парадигму КФМ тоже стоит назвать «бифуркационной».

Сформулируем базовые положения бифуркационной парадигмы КФМ:

1. Для любых систем, включая социальные, характерен переход от равновесных состояний к неравновесным и назад. Движение от Хаоса к Порядку происходит через переходное состояние — точку бифуркации.
2. Понятие «точка бифуркации», схема ее становления, может быть адаптировано для анализа исторического процесса. Именно для изучения подобных ситуаций и нужно КФМ прошлого.
3. Существование переходных состояний скоротечно. Наблюдавшиеся в них варианты исторического процесса со временем исчезают. Как отмечал Г. И. Рузавин, «когда определенный путь будет выбран, тог-

да дальнейшее движение системы подчиняется детерминистическим законам до следующей бифуркации» [26, с. 69]. Существовавшие в данной «точке» варианты исчезают.

Бифуркационная парадигма в рамках КФМ обладает значительным эвристическим потенциалом. Укажу лишь на некоторые его проявления. Во-первых, создаются аналогичные по содержанию, но отличные по форме от базового понятия синергетики категории: «узловая точка истории» (И. Валлерстайн и др.), «критическая точка истории» (Ю. Жуков и др.), «сингулярная точка истории» (А. Панов), «историческая развилка» (В. Лещенко и др.), «высшая точка (социального) развития» (В. Иноземцев) и т. п. Специалисты получают неограниченную возможность разрабатывать с теоретических позиций содержание именно «своей» категории, порой не обращая внимание на «чужие».

Во-вторых, бифуркационная модель синергетики, диктуемая ей схема развития систем, становится настолько распространенной, что источник ее порождения ученые просто «забывают» назвать. Так, Ю. В. Жуков определяет «критическую точку истории» следующим образом: временной отрезок, на котором исторический процесс или его части трансформируются из одного качественного состояния в другое. «...Во внутреннюю массу критической точки <...> заложены альтернативные пути (курсив мой — В. Н.) развития всего исторического процесса или отдельных его частей и направлений» [9, с. 86]. Здесь можно вспомнить девиз одной когда-то популярной в России рекламы: «они выросли и забыли своих родителей».

В-третьих, специалисты начинают активно искать в различные периоды мировой или отечественной истории соответствующие переходные состояния, которые либо продолжают называть «бифуркациями», либо иными, более специальными терминами, например, «историческая развилка» [12].

В-четвертых, бифуркационная парадигма, в еще большей мере, чем попперистская, провозглашает важным фактором (подлежащим исследованию в т. ч. и с помощью КФМ) и индивидуальный, и коллективный выбор (действие) в социальной «точке бифуркации», подводит под него «системное» обоснование.

В-пятых, как правило, поиск переходных исторических состояний и содержащихся здесь альтернатив становится востребованным в период каких-либо социальных потрясений, когда ученые пытаются най-

ти в прошлом ответы на «мучающие» их в настоящем вопросы. Так, в СССР интерес к историческим «развилкам» проявился в заключительный период «перестройки» 1988—1991 гг., когда специалисты искали способы не только переосмысления истории Советского государства с 1917 г., но спасения от распада разрушающейся на их глазах страны [32]. Причем данные усилия ретроспективно нельзя оценивать только отрицательно. Например, по мнению В. П. Данилова, «если взглянуть на отечественную историческую литературу... примерно с осени 1989 г., то взору предстанет сюрреалистическая картина: в облаках дыма и пыли, поднявшихся над распадающимся общественным зданием, ... проплывают «миражи» <...> «несбывшихся возможностей», мечутся в ожесточенной схватке «проклятая ментальность» и «роковая случайность»» [7, с. 95]. Поиск «несбывшихся возможностей» прошлого, в том числе через обнаружение «точек бифуркации», имеет и позитивную сторону. Учеными ведь реконструировались не только «миражи» (маловероятные с точки зрения реализации ситуации), подобные «Бухаринской альтернативе» происшедшему в СССР в 1930-е гг., но и более ранние исторические «развилки» (1920-х гг., периода нэпа и т. д.). В конце концов таким путем специалисты просто «учились» грамотно рассуждать на тему «что было бы, если?», получая на выходе не только заблуждения, но и полезные результаты. В противном случае они не стали бы в 2000-е гг. осмыслять уже период «перестройки» 1985—1991 гг. как своеобразную «бифуркацию» [5].

Негатив бифуркационной парадигмы резюмируем по следующим направлениям.

1. Внимание преимущественно к политически ангажированным периодам прошлого. «...Эти узлы с пониженной предсказуемостью являются моментами революций или резких исторических сдвигов» [14, с. 360].
2. Попытки математизировать, «оцифровать» процесс поиска точек бифуркации, что ограничивало временной диапазон КФМ прошлого, как отмечал М. Левандовский, современностью и «поздним» Новым Временем [Цит. по: 33, с. 65]. Соответственно, получалось, что относительно античности и средневековья корректные контрфактические исследования прошлого проводить бесполезно, ибо об этих периодах нет «точной» информации и реконструкция переходных состояний здесь невозможна.

Действительность оказывалась сложнее ее математических описаний и в другом смысле. Ученым относительно точек бифуркаций и существовавших здесь альтернативных вариантов порой приходилось строить не одну модель, а «целую иерархию математических моделей различного уровня» [11, с. 104]. Возникла проблема их согласования между собой.

3. Признание положения поппилистской парадигмы об исчезновении альтернативных вариантов за пределами точки бифуркации. Она рассматривается как «механизм перехода в новое устойчивое состояние <...> и тем самым выбора одного из возможных путей развития...» [2, с. 171].
4. Количество точек бифуркации постоянно меняется. На их выделение часто влияет субъективизм исследователей, политическая конъюнктура и т. п. внешние факторы, а не научно обоснованные критерии. Особо отмечу: в периоды социальных кризисов наблюдается четко выраженная тенденция к пересмотру со стороны ученых числа данных точек — в сторону его увеличения. В итоге специалисты порой противоречат друг другу в указанном вопросе.

Поппилистская и бифуркационная парадигмы КФМ: сходства и отличия

В целом поппилистская (возможность-действительность) и бифуркационная парадигмы КФМ оказывались в методологическом плане сходными друг с другом. Прежде всего они исходили из наличия сменяющих друг друга периодов одновариантного исторического процесса и его альтернативных состояний; придавали в последних важную роль индивидуальному (бифуркационная) и коллективному (поппилистская) выбору людьми одной из альтернатив; констатировали, что нереализованные в переходных состояниях возможности (альтернативы) исчезают из исторического процесса. Различия парадигм коренились в терминологии (поппилистская именвала переходные состояния «возможностями», бифуркационная — «точками бифуркации» и иными аналогичными понятиями); опоре на отличную дисциплину (философия и синергетика, порожденная физикой); онтологическом

обосновании (поппилистская парадигма уделяет большее внимание коллективному выбору пути развития в переходном состоянии, бифуркационная — индивидуальному, по сути придавая им одинаковое, решающее влияние в переходном состоянии истории). В итоге КФМ в рамках обеих парадигм сосредотачивалось на локализации объекта изучения в отдельные исторические периоды, соглашалось с перспективой его исчезновения за указанными пределами.

Ретропрогностическая парадигма КФМ

Ретропрогностика — парадигма КФМ прошлого, ориентированная на изучение альтернатив минувшего путем реконструкции предмета, методологии, функций такого анализа на базе его редукции (с учетом имеющейся специфики) к познанию будущего. Значит, за основу в рамках данной парадигмы берется социальное прогнозирование (прогностика). Ретропрогностика устойчиво востребована, например, у отечественных ученых, занимающихся КФМ. Интерес к ней заметен в 1990-е гг. [1], фиксируется 15 лет назад [6, с. 66], а сегодня она рассматривается специалистами как важная составляющая, формирующая в России специфическое национальное представление о прошлом [17, с. 99—114].

Однако на пути методологии ретропрогностики есть и проблемы. Прежде всего дискуссионным остается вопрос: кто осуществляет подобный анализ? В расширительной трактовке субъектами ретропрогнозирования оказываются не только ученые, но и «российская нация в целом», которая в подобном творчестве, не опирающемся на критерии научности, выражает «отношение к современным реалиям» [17, с. 102]. Не отрицая возможность подобного подхода, отметим, что этими категориями субъекты не исчерпываются и нуждаются в дальнейшей классификации. Кроме ученых и населения страны (причем, не только РФ), сюда надо отнести писателей, политиков (скажем, политическая элита Прибалтийских государств желает получить от РФ финансовые «репарации» за ущерб от включения в состав СССР 1940 г., ибо по местному «ретропрогнозу» без «оккупации» данные государства жили бы теперь на уровне Швеции или Финляндии [10, с. 5; 20, с. 347—349]) и т. д.

Относительно предмета КФМ рассуждения сторонников ретропрогностики достаточно просты, строятся по аналогии. Дело в том, что изучение будущего предполагает

познание нескольких его вариантов. Такой подход можно назвать альтернативистикой [1, с. 113]. Значит, для анализа ряда альтернатив прошлого создается ретроальтернативистика, ее «зеркальное (курсив мой — В. Н.) отражение...» [1, с. 113]. Поскольку в обоих случаях речь идет о прогнозировании (только не будущего, а прошлого), постольку парадигма КФМ, отражающая такой подход, на мой взгляд, в корректной форме может быть названа «ретропрогностической».

В плане методологическом в рамках ретропрогностической парадигмы обязательно строятся сценарии потенциального прошлого. Содержание альтернатив раскрывается в виде определенных описаний. Это проявилось уже у Тита Ливия, который рассмотрел возможную войну империй Рима и Александра Македонского с учетом следующих факторов: сопоставление тактических и стратегических способностей полководцев противников; сравнение количества, видов войск, резервов сторон, их мобилизационных ресурсов; готовность армий к затяжным войнам [28, с. 517—522]. В дальнейшем начинают создаваться конкретные правила контрфактического моделирования прошлого у К. Клаузевица, М. Вебера, Д. Мило, И. В. Бестужева-Лады¹ и др. [см.: 1, с. 122; 3, с. 463—485; 15, с. 155—157; 18, с. 196]. Конечно, высказывается и противоположное мнение: «Ахиллесовой пятой ретропрогностики всегда было слабое методологическое обеспечение. У нее нет четких приемов исследования» [6, с. 72]. На мой взгляд, дело в другом: «приемов исследования» (правил) столь много, что их надо приводить к универсальности.

Задачи ретропрогноза при таком подходе становятся сугубо прагматическими. Гносеологически это — объяснение того, почему именно данный вариант (из ряда возможных) стал основным. (В результате КФМ становится одним из «вспомогательных» средств исторической науки). Этически — уберечь людей от повторения сходных ошибок в новых исторических условиях [1, с. 113]. Аксиологически — оценка степени оптимальности, «эффективности избранного (в реальности — В. Н.) пути» [6, с. 66].

Возможно, целесообразно, как предлагает Ю. В. Латов, включить в структуру данной парадигмы не только научно обоснованные исследования, но и «ретропрогностические представления», т. е. представления (мне-

¹ Отмечу интересный факт: некоторые из перечисленных специалистов полагали, что работают в рамках POSSIBILISTSKOY парадигмы, но в действительности выходили за ее пределы.

ния) населения страны о том, «как надо было поступать в прошлом, чтобы добиться лучшего настоящего» [17, с. 106]. Тем самым в контрфактическое моделирование (на базе скажем, социологических опросов относительно альтернатив какого-то конкретного периода прошлого) входит «голос» не только научного сообщества, но и обычных людей, рядовых создателей «национальной исторической ментальности». К такому предложению, на мой взгляд, стоит прислушаться, но пока остаются открытыми механизмы «перевода» подобных ожиданий в научную ретропрогностику.

Суть ретропрогностической парадигмы КФМ выражают следующие положения: 1) КФМ может проводиться относительно любого периода прошлого; 2) КФМ по предмету — ряд альтернатив прошлого; 3) раз сходимый по форме объект (альтернативы будущего) изучает социальное прогнозирование, то оно и должно быть взято за методологическую основу при моделировании альтернатив прошлого; 4) необходимо по определенным правилам создавать альтернативные сценарии прошлого (как это делает прогнозирование в отношении альтернатив будущего); 5) цель КФМ — объяснение причин реализации и оценка степени эффективности осуществившегося на практике варианта.

Позитив ретропрогностической парадигмы. Во-первых, она онтологически и гносеологически оправдывает создание альтернативных сценариев прошлого. Ныне некоторые ученые уверены, что анализ многовариантных сценариев целесообразно проводить лишь в отношении будущего [30, с. 15]. Данная парадигма обосновывает потребность формирования сценариев применительно к прошлому.

Во-вторых, ретропрогностическая парадигма, в отличие от POSSIBILISTSKOY и бифуркационной, не сводит феномен альтернативности к отдельным переходным состояниям (историческим развилкам, критическим точкам истории, точкам бифуркации и т. п.), а рассматривает его более широко, на протяжении всего исторического процесса.

В-третьих, ретропрогностическая парадигма не требует для создания сценариев альтернативного прошлого избыточной количественной информации, включая математическую (о чем говорил М. Левандовский и другие). Отсюда она позволяет «продвигать» КФМ в историческом времени от современности в более удаленные периоды. Хотя надо отметить, что число ученых,

работающих в данном направлении и опирающихся на точные науки, тоже растет.

В-четвертых, ретропрогностическая парадигма не обязана принимать тезис (хотя некоторые специалисты в ее рамках это делают) о том, что нереализованные возможности (варианты) прошлого обязательно куда-то «исчезают» после некоторого «альтернативного» периода. Такой подход дает простор для раскрытия «бытия несвершившегося» (С. А. Модестов) [19], т. е. изучения путей существования потенциальных вариантов прошлого в «равновесные» исторические периоды, их сложных форм взаимодействия с реальным прошлым.

В-пятых, ретропрогностическая парадигма получает научный характер «за счет использования проверяемых и доказательных методов исследования, привлечения адекватных проблеме источников» [2, с. 73].

В-шестых, расширяет имеющиеся знания о прошлом. Один из наиболее интересных в данном плане — созданный специалистами по экономической демографии ретропрогноз, посвященный выявлению численности населения России конца XX в. без крупных социальных конфликтов первой половины столетия, сравнению полученных цифр с нынешними показателями. Данные исследования, по мнению Н. Я. Петракова, дают крайне пессимистическую картину. По самым минимальным оценкам, на каждого живущего в конце XX в. «россиянина (а их около 148 млн) приходится одна тень человека, который был бы нашим сверстником» [23, с. V]. Создан ретропрогноз относительно эволюции социально-экономических процессов «... в среде крестьянства при условии сохранения нэпа» [2, с. 73] в СССР после 1929 г., позволяющий дать взвешенную (а не эмоционально мотивированную) оценку как реальности (проводимой под руководством И.В. Сталина политики «великого перелома» в деревне), так и «Бухаринской альтернативе» коллективизации. Не стоит забывать и о работе Р. Фогеля [34], где создана модель экономического развития США XIX в. без железных дорог, которая базируется на математических расчетах и выводы которой оказались противоположны устоявшейся среди ученых ранее точке зрения.

Негативные стороны ретропрогностической парадигмы сводятся к следующим. Во-первых, изучение прошлого и будущего как в плане предмета, так и методологии похожи, но не тождественны. Поэтому ретропрогностика как «зеркальное отражение» в прошлое социального прогнозирования

не верна. У КФМ прошлого целесообразно выявить специфические предмет и средства исследования. Во-вторых, здесь часто не указаны способы выделения исторических альтернатив, что открывает порой простор произволу конкретного ученого. В-третьих, КФМ превращается во «вспомогательное средство» исторической науки, а не самостоятельное направление изучения прошлого. (Подобно философии, которую в средневековье Фома Аквинский и иные теологи называли «служанкой богословия»). В-четвертых, опять-таки опора на количественную информацию часто мешает проникновению КФМ в рамках данной парадигмы вглубь веков, от XIX—XX столетий.

Заключение

В работе рассмотрены POSSИБИЛИСТСКАЯ, бифуркационная, ретропрогностическая парадигмы КФМ прошлого. Все они раскрывают КФМ не как суверенный субъект познания, а как объект, к которому приложимы представления о предмете, методах, функциях исторического исследования из философии, синергетики, социального прогнозирования. Автор исходит из принципиально иной позиции, согласно которой КФМ — самостоятельное, междисциплинарное направление познания прошлого. Оно, на мой взгляд, должно не само быть «служанкой» какой-то дисциплины, а использовать информацию из других областей знания в собственных целях для лучшего исследования альтернатив прошлого. КФМ нуждается в специфических средствах выдвижения гипотез, выделении структуры контрфактических сценариев, способов их проверки. Авторский вариант решения подобных задач изложен в ряде работ [см., напр., 20]. Разумеется, при таком подходе отдельные «наработки» каждой парадигмы тоже пригодятся ученым.

Существующие парадигмы КФМ носят неоднозначный характер. Методологически POSSИБИЛИСТСКАЯ и бифуркационная во многом повторяют базовые положения друг друга. Ретропрогностическая выглядит на их фоне более самостоятельной, а потому — предпочтительной. К тому же, она не стремится замкнуть альтернативность прошлого в какой-то одной его «точке», вырабатывает ряд правил раскрытия содержания альтернатив. Впрочем, каждой из исследуемых парадигм, на мой взгляд, не хватает в качестве методологической посылки исследования тезиса, озвученного А. В. Гулыгой: «Историческое событие, совершившись, не

переходит в чистое небытие. Оно продолжает жить, и подчас не только в сознании людей, но и в материальных процессах» [Цит. по: 29, с. 10].

Надо понимать, что указанные парадигмы в конкретном контрфактическом исследовании прошлого не существуют в «чистом» виде, а их базовые положения «переплетаются» между собой. Например, Л. И. Бородкин одни потенциальные ситуации исторического прошлого России — СССР моделирует в рамках ретропрогностической, другие — бифуркационной парадигмы [2, с. 72—98, 183—215]. Более того, на уровне чисто теоретическом специалисты советуют начинать с бифуркационной парадигмы, а потом переходить к ретропрогностической [6, с. 68—69]. Здесь, на мой взгляд, возможны различные комбинации парадигм, определяющие эффективность анализа. Несомненно одно: знать эти теоретические конструкции сами по себе необходимо для совершенствования методологии КФМ прошлого.

Кроме того, наличие парадигм играет важную роль в обосновании научности КФМ. Некоторые специалисты до сих пор отождествляют такой подход с «гаданиями». Так, Р. Хаас утверждает: «В изучении истории принято задаваться вопросом: «Что было бы, если бы?» Повторюсь, нам остается лишь гадать, что произошло бы в ином случае...» [31, с. 96]. И примеров отождествления КФМ с «гаданиями» в нашей стране и за рубежом можно найти не мало. Присутствие же в рамках КФМ устойчивых теоретических позиций, которых придерживаются группы ученых, говорит об обратном заявленному тезису: КФМ, опирающиеся на соответствующие парадигмы, носят научный характер.

Резюмируем перспективы исследования парадигм КФМ.

1. Автор не склонен считать, что количество парадигм КФМ, выделенных в данной работе, окончательно. Поэтому их поиск целесообразно продолжить.
2. Представляет интерес подробное рассмотрение этапов эволюции раскрытых в данной работе, или иных возможных парадигм КФМ, дальнейшая фиксация их базовых положений.
3. Отсутствие знания о наличии парадигм КФМ порой приводит к тому, что специалисты начинают использовать одну из них как своеобразную методологическую «дубинку», которая выступает единственно «правильной» точкой зрения на данный предмет, а его иные трактовки являются якобы

сугубо заблуждениями, антинаучными фантазиями, гаданиями. Как пример можно привести использование POSSIBILISTСКОЙ парадигмы обществоведов СССР, которые на ее базе порой стремились показать бесполезность КФМ как таковых. «Одна возможность («если бы») связывается с другой, другая — с третьей... Получается целая цепь выводимых друг из друга вероятностей, уже никоим образом не связанных с действительными тенденциями исторического развития» [8, с. 380]. Признание же наличия определенных, нескольких парадигм КФМ, выявление их базовых положений, способно хотя бы отчасти положить конец подобным спекуляциям.

4. Заслуживает отдельного анализа и набор ценностных установок, составляющих ученых выбирать какую-либо парадигму КФМ, их связь с ценностной динамикой общества в целом [25].

1. Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 113—122.

2. Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2017. 306 с.

3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

4. Виртуальная история: альтернативы и предположения / под ред. Н. Фергюсона. М.: АСТ, 2019. 656 с.

5. Ворожейкина Т. Е. Глядя назад: возможные альтернативы в развитии перестройки // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 17—22.

6. Губбеева З. О. Альтернативное моделирование и современная теория исторического процесса // Вестник АГТУ. 2005. № 5 (28). С. 66—74.

7. Данилов В. П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 95—101.

8. Диалектический и исторический материализм. М.: Политиздат, 1968. 392 с.

9. Журов Ю. В. Проблемы методологии истории. Брянск: Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1996. 144 с.

10. История в сослагательном наклонении? // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 5—85.

11. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Наука, 1997. 285 с.

12. Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М. : КоЛибри, 2005. 638 с.

13. Ковальченко И. Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. № 4. С. 82—95.

14. Лотман Ю. М. Изъявление Господне или азартная игра? (закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 353—364.

15. Клаузевиц К. О войне. М. : Логос, 1997. 507 с.

16. Кун Т. Структура научных революций. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 296 с.

17. Латов Ю. В. Ретропрогнозирование как элемент национальной исторической ментальности // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 99—114.

18. Мило Д. За экспериментальную, или веселую, историю // THESIS. 1994. № 5. С. 185—205.

19. Модестов С. А. Бытие несвершившегося. М. : Московский общественный научный фонд, 2000. 176 с.

20. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 336—352.

21. Нехамкин В. А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 96—105.

22. Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если? М. ; СПб. : АСТ, 2002. 539 с.

23. Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М. : Экономика, 1998. 286 с.

24. Пламя «холодной войны»: победы, которых не было. М. : АСТ, 2004. 476 с.

25. Покровская Т. П., Майкова В. П., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности как феномены социальных систем // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 40—48.

26. Рузавин Г. И. Неопределенность, вероятность и прогноз // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 65—75.

27. Скворцов Л. В. История и антиистория. М. : Политиздат, 1976. 230 с.

28. Тит Ливий. История Рима от основания города : в 3 т. Т. I. М. : Ладомир, 2002. 702 с.

29. Философские проблемы исторической науки. М. : Наука, 1969. 321 с.

30. Шевченко В. В. Многовариантность исторического развития : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград : Волгоград. гос. ун-т, 2005. 25 с.

31. Хаас Р. Мировой беспорядок. М. : АСТ, 2019. 320 с.

32. XX век: альтернативы развития (материалы «круглого стола») // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 1 С. 60—71; № 2. С. 77—97.

33. Юзефович Г. Сад расходящихся тропок // Ежедневный журнал. 2002. № 10. 13. марта. С. 63—66.

34. Fogel R. Railroads and American Economic Growth: essays in Econometric History. Baltimore : The John Hopkins Univ. Press, 1964. 343 p.

References

1. Bestuzhev-Lada I.V. (1997) *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 113—122 [in Rus].

2. Borodkin L.I. (2017) *Modelirovanie istoricheskikh processov: ot rekonstrukcii real'nosti k analizu al'ternativ*. St. Petersburg, Aletejya Publ., 306 p. [in Rus].

3. Veber M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, Progress Publ., 808 p. [in Rus].

4. *Virtual'naya istoriya: al'ternativy i predpolozheniya* (2019). Moscow, AST, 656 p. [in Rus].

5. Vorozhejkina T.E. (2005) *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 17—22. [in Rus].

6. Gubbyeva Z.O. (2005) *Vestnik AGTU*, no. 5 (28), pp. 66—74. [in Rus].

7. Danilov V.P. (1993) *Novaya i novejschaya istoriya*, no. 6, pp. 95—101 [in Rus].

8. *Dialekticheskij i istoricheskij materializm* (1968). Moscow, Politizdat, 392 p. [in Rus].

9. Zhurov Yu. V. (1996) *Problemy metodologii istorii*. Bryansk, Izd-vo Bryanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 144 p. [in Rus].

10. *Istoriya v soslagatel'nom naklonenii?* (2000)// *Odissej. Chelovek v istorii*. 2000. Moscow, Nauka Publ., pp. 5—85 [in Rus].

11. Kapica S.P., Kurdjumov S.P., Malineckij G.G. (1997) *Sinergetika i prognozy budushhego*. Moscow, Nauka Publ., 285 p. [in Rus].

12. Karacuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. (2005) *Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichey do oligarhov*. Moscow, KoLibri Publ., 638 p. [in Rus].

13. Koval'chenko I.D. (1986) *Istoriya SSSR*, no. 4, pp. 82—95 [in Rus].

14. Lotman Yu.M. (1994) *Iz'yavlenie Gospodne ili azartnaya igra? (Zakonomernoe i sluchajnoe v istoricheskom processe)* // Yu.M. Lotman i tartusko — moskovskaya semioticheskaya shkola. Moscow, Gnozis Publ., pp. 353—364. [in Rus].
15. Klauzevic K. (1997) *O vojne*. Moscow, Logos Publ., 507 p. [in Rus].
16. Kun T. (1998) *Struktura nauchnyh revolucij. Blagoveshchensk, BGK im. I.A. Boduena de Kurtene Publ.*, 296 p. [in Rus].
17. Latov Yu.V. (2019) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 99—114. [in Rus].
18. Milo D. (1994) *THESIS*, no. 5, pp. 185—205. [in Rus].
19. Modestov S.A. (2000) *Bytie nesvershivshegosya*. Moscow, Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond Publ., 176 p. [in Rus].
20. Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. (2018) *Dialog so vremenem*, no. 65, pp. 336—352. [in Rus].
21. Nekhamkin V.A. (2019) *Socium i vlast'*, no. 2 (76), pp. 96—105. [in Rus].
22. Nort D. (2002) *Napoleonovskie vojny. Chto, esli?* Moscow, St. Petersburg, AST Publ., 539 p. [in Rus].
23. Petrakov N. Ya (1998) *Russkaya ruletka. Ekonomicheskij eksperiment cenoyu 150 millionov zhiznej*. Moscow, Ekonomika Publ., 286 p. [in Rus].
24. Plamya «holodnoj vojny»: *Pobedy, kotoryh ne bylo* (2004) Moscow, AST Publ., 476 p. [in Rus].
25. Pokrovskaya T.P., Majkova V.P., Molchan E.M. (2019) *Gumanitarnye i social'nye nauki*, no. 2, pp. 40—48. [in Rus].
26. Ruzavin G.I. (2005) *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 65—75. [in Rus].
27. Skvortcov L.V. (1976) *Istoriya i antiistoriya*. Moscow, Politizdat Publ., 230 p. [in Rus].
28. Tit Livij (2002) *Istoriya Rima ot osnovaniya Goroda: v 3 t. I*. Moscow, Ladomir Publ., 702 p. [in Rus].
29. *Filosofskie problemy istoricheskoy nauki* (1969). Moscow, Nauka Publ., 321 p. [in Rus].
30. Shevchenko V.V. (2005) *Mnogovariantnost' istoricheskogo razvitiya*. Abstract of thesis. Volgograd, Volgogradskij gosudarstvennyj universitet Publ., 25 p. [in Rus].
31. Haas R. (2019) *Mirovoj besporyadok*. Moscow, AST Publ., 320 p. [in Rus].
32. XX vek: *al'ternativy razvitiya (Materialy «kruglogo stola»)* (1989) *Rabochij klass i sovremennyy mir*, no. 1, pp. 60—71; no. 2, pp. 77—97. [in Rus].
33. Yuzefovich G. (2002) *Ezhenedel'nyj zhurnal*, no. 10, March 13, pp. 63—66. [in Rus].
34. Fogel R. (1964) *Railroads and American Economic Growth: essays in Econometric History*. Baltimore, The John Hopkins University Press Publ., 343 p. [in Eng].

For citing: Nekhamkin V.A.
Paradigms of counterfactual modelling
of the past in social cognition:
results and development prospects //
Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 7—18.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18

UDC 167. 7; 93

PARADIGMS OF COUNTERFACTUAL MODELLING OF THE PAST IN SOCIAL COGNITION: RESULTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Valery A. Nekhamkin,

Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 119602,
Moscow, ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article is focused on identifying and studying the paradigms that arose in the framework of counterfactual modelling of the past by the end of the twentieth century. The author highlights basic concepts, strengths and weaknesses of various paradigms. Some particular prospects of forming these paradigms in historical knowledge and beyond it are fixed.

The aim of the paper is to identify stable positions (paradigms) existing in counterfactual modelling of the past, and to compare them with each other.

Methods. The author uses the following general scientific methods in the study: modelling, structural-functional, systemic and comparative analysis.

Scientific novelty of the study. The author introduces the concept "paradigm of counterfactual modelling of the past" and outlines three

paradigms: possibilistic (possibility-reality); bifurcation; retro-prognostic, pointing out the basic ideas of these paradigms and determining the sources generating each of them.

Results. In the work, the author proves that the concept "paradigm" can be applied to counterfactual modelling of the past. It is found that the possibilistic paradigm is generated by philosophy, the bifurcation paradigm is generated by synergetics, and the retro-prognostic paradigm is generated by social forecasting. There is an extrapolation of these areas of knowledge, their methodology to counterfactual modelling of the past. The author shows that the basic principles of the possibilistic and bifurcation paradigms are largely similar, while those of the retro-prognostic paradigm are significantly different from them.

Conclusions. The author identifies, considers and reconstructs the content of the three paradigms of counterfactual modelling of the past, but a larger number of paradigms can be identified. It is shown that when studying a specific alternative situation of the past, these paradigms can be used in its entirety. It is stated that each paradigm is not completed. It needs constant theoretical and methodological development and improvement. The author specifies high heuristic potential of each paradigm in the studied area. The author is of the opinion that it is necessary to move away from the dominant possibilistic, bifurcation, retro-prognostic paradigms towards developing a methodologically independent counterfactual modeling of the past, making use of those paradigms advantages for the purposes of the latter.

Key concepts:
paradigm,
counterfactual modelling of the past,
possibilistic paradigm,
bifurcation paradigm,
retro-prognostic paradigm.